

ТЕМНЫЕ НАЧАЛА
СЕВЕРНОЕ
СИЯНИЕ

ФИЛИП ПУЛМАН
ИЛЛЮСТРАЦИИ КРИСА ВОРМЕЛЛА

Вселенная Тёмных начал

Филип Пулман

**Северное сияние. Юбилейное
издание с иллюстрациями**

«Издательство АСТ»

«ФТМ»

1995

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(4Вел)

Пулман Ф.

Северное сияние. Юбилейное издание с иллюстрациями /
Ф. Пулман — «Издательство АСТ», «ФТМ», 1995 — (Вселенная
Тёмных начал)

ISBN 978-5-17-136315-4

Представьте себе мир, очень похожий на наш, но бок о бок с людьми в нем живут фантастические существа, например, ведьмы и бронированные медведи... А душа человека способна принимать форму животного – деймона. Двенадцатилетняя сирота Лира Белаква вместе со своим деймоном Пантелеймоном живет в Оксфорде. Ее дядя – могущественный лорд Азриэл – приезжает в колледж для того, чтобы организовать экспедицию на Север. Цель его поездки – выяснить происхождение загадочной «пыли», которую можно увидеть на фотографиях, снятых в этих местах. Вскоре после отъезда дяди таинственные «жрецы» похищают друга Лире, мальчика-слугу. Ходят жуткие легенды о том, что они забирают детей на далекий Север. Девочка отправляется на поиски своего друга, и в этом путешествии ей открываются тайны о собственной семье и о судьбе, которая ждет ее на морозных землях... Книга также выходила под названиями «Золотой компас» и «Полярные огни». В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-17-136315-4

© Пулман Ф., 1995
© Издательство АСТ, 1995
© ФТМ, 1995

Содержание

Об авторе	8
Часть 1. Оксфорд	9
Глава первая. Графин токая	9
Глава вторая. Идея Севера	19
Глава третья. Лира в Иордане	29
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Филип Пулман

Северное сияние. Юбилейное издание с иллюстрациями

Philip Pullman

The Northern Lights: The 25th Anniversary Illustrated Edition

Text © Philip Pullman, 1995

Illustrations © Chris Wormell, 2020

© В. Голышев, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

«Северное сияние» переносит читателя в фантастический мир; оно напоминает прекрасный сон, от которого не хочется пробуждаться. Захватывающая, интригующая и многоплановая, эта книга не раз удивит, ужаснет и восхитит вас. Изобретательность, с которой Пулман прописывает характеры и выстраивает сюжет, заставляет завидовать его серому веществу!

Telegraph

Нити вымысла, кошмара и грандиозного безумства переплетены с невероятным, завораживающим мастерством.

The Times

Пулман мастерски сочетает безукоризненные описания с сюжетом, сшитым так, мастерски, что швов не найти. Энергичным шагом он переходит от одного эпизода, полного почти невыносимого внутреннего напряжения, к другому. Этот сверкающий драгоценный камень заставит читателей любого возраста с нетерпением ждать продолжения приключений Лиры.

Publishers Weekly

Поразительное фэнтези, обжигающий триллер и подталкивающее к размышлениям исследование человеческой природы. Эта книга многогранна, и каждым ее аспектом можно наслаждаться.

Guardian

Трилогия Филипа Пулмана «Темные начала» – одно из величайших произведений, написанных на английском языке. Воссозданная в нем вселенная настолько атмосферна и осязаема, что я верю – где-то она существует. Это захватывающая эпопея, действие которой происходит в завораживающем мире (точнее, мирах). Невероятное путешествие по парящей дуге воображения, которая опирается на человеческие знания и озарения. Ах да! Еще вы найдете здесь одного из лучших злодеев мировой литературы.

Терри Джонс

Ошеломляющий, насыщенный, глубокий роман... смешной и безумно образный.

Observer

Первый том продуманного до мелочей и идеально воплощенного фэнтези. Действие происходит во вселенной, описанной так основательно и подробно, что она кажется реальной. Ребенок внутри автора этих строк читал, затаив дыхание, а закрыв книгу, застыл в ужасе и восторге.

Evening Standard

«Темные начала» – не просто лучшая детская книга. Это еще и самый яркий художественный эксперимент нашего времени.

Reader's Digest

Об авторе

Всемирно известный писатель Филип Пулман родился в Норидже (графство Норфолк, Англия) в 1946 году. Его произведения не только удостоились всех престижных премий в области детской литературы, но и стали бестселлерами для взрослых. Трилогия Пулмана «Темные начала» заняла третье место в списке 200 лучших романов, составленном BBC в 2003 году и включающем любимые книги нации. В 2005 году Филип получил Премию памяти Астрид Линдгрэн – самую важную детскую литературную премию в мире. Пулман женат; у него двое взрослых детей.

Писатель живет в Оксфорде.

«Самое важное на свете – это истории! Именно они делают нас людьми».
Филип Пулман

www.philip-pullman.com

«Северное сияние» – первая часть трилогии. Действие романа происходит во вселенной, которая похожа на нашу (впрочем, отнюдь не во всем). События второй книги, «Чудесный нож», разворачиваются в трех вселенных: вселенной «Северного сияния», вселенной, где мы живем, и в третьей вселенной, которая опять же во многом отличается от нашей. Заключительная часть трилогии, «Янтарный телескоп», охватывает сразу несколько вселенных.

На краю
Пучины дикой, – зыбки, а быть может —
Могилы Мироздания, где огня
И воздуха, материков, морей
В помине даже нет, но все они
В правешестве зачаточно кишат,
Смесившись и воюя меж собой.
Пока Творец Всевластный не велит
Им новые миры образовать;
У этой бездны осторожный Враг,
С порога Ада созерцаая даль,
Обмысливал свой предстоящий путь...

Джон Мильтон, «Потерянный рай», кн. II (Пер. Арк. Штейнберга)

Часть 1. Оксфорд

Глава первая. Графин токая

Лира со своим деймоном тихо двигались по полутемному Залу, держась поближе к стене, чтобы их не увидели из Кухни. Три больших стола, тянувшиеся по всей длине Зала, были уже накрыты, серебро и хрусталь на них поблескивали в сумерках; длинные скамьи ждали гостей. На стенах, теряясь в тени, висели портреты бывших Магистров. Лира подошла к помо-

сту, оглянулась на открытую кухонную дверь и, никого не увидев за ней, поднялась на помост к верхнему столу. Здесь приборы были золотые, а не серебряные, и вместо дубовых скамеек стояли четырнадцать стульев красного дерева с бархатными подушками. Лира подошла к креслу Магистра и щелкнула по бокалу ногтем. По Залу разнесся прозрачный звон.

– Ведешь себя легкомысленно, – шепнул ей деймон. – Будь серьезней.

Ее деймона звали Пантелеймон, и сейчас он принял вид мотылька, темно-коричневого, чтобы быть не слишком заметным в сумрачном Зале.

– Там шумно на Кухне, – прошептала в ответ Лира. – А Стюард до первого звонка не появится. Перестань нервничать.

Тем не менее она приложила ладонь к звеневшему еще бокалу, а Пантелеймон порхнул дальше, в приоткрытую дверь Комнаты Отдыха по другую сторону от помоста. Через секунду он вернулся.

– Там никого, – шепнул он. – Но надо спешить.

Пригнувшись за высоким столом, Лира шмыгнула в Комнату Отдыха, выпрямилась там и огляделась. Единственным источником света здесь был камин; на глазах у нее пылающие поленья слегка осели, выбросив в дымоход фонтан искр. Почти всю жизнь она прожила в Колледже, но еще ни разу не видела Комнату Отдыха: сюда допускались только Ученые и их гости, женщины – никогда. Здесь даже служанки не могли убирать – только Дворецкий.

Пантелеймон сел ей на плечо.

– Ну, довольна? Можем идти? – прошептал он.

– Глупости! Я хочу посмотреть!

Это была большая комната с овальным полированным столом, на котором стояли разные графины и бокалы и серебряный курительный прибор с коллекцией трубок. Рядом, на буфете, – жаровня и корзина с коробочками мака.

– Уютно устроились, а, Пан? – шепотом сказала Лира.

Она опустила в зеленое кожаное кресло, оказавшееся таким глубоким, что в нем можно было почти лежать. Лира села, подобрав под себя ноги, и окинула взглядом портреты на стене. Тоже, наверное, старики-Ученые: в мантиях, бородатые и хмурые, они смотрели на нее с неодобрением.

«Как думаешь, о чем они тут разговаривают?» – хотела спросить Лира, но не успела: за дверью послышались голоса.

– За кресло, живо! – шепнул Пантелеймон, и Лира, выскочив из кресла, присела за ним. Укрытие было не из лучших: она предпочла бы кресло в середине комнаты – а здесь стоит только шелохнуться...

Дверь открылась, в комнате стало светлее – кто-то из вошедших принес лампу и поставил на буфет. Лира видела его ноги в темно-зеленых брюках и черных начищенных туфлях. Слуга.

Раздался низкий голос:

– Лорд Азриэл еще не прибыл?

Это был Магистр. Лира, затаив дух, увидела, как деймон слуги (собака, как почти у всех слуг) подбежал к его ногам и уселся, а потом показались и ноги Магистра, как всегда в поношенных черных туфлях.

– Нет, Магистр. И никаких известий из Аэродока.

– Полагаю, он будет голоден. Проводите его прямо в Зал, хорошо?

– Слушаюсь.

– Вы налили для него графин особого токайского?

– Да, Магистр. Урожая тысяча восемьсот девяносто восьмого года, как вы приказали. Его светлость очень любит это вино.

– Хорошо. Теперь можете идти.

– Лампа нужна, Магистр?

– Да, лампу оставьте. Во время обеда не забудьте, пожалуйста, поправлять фитиль.

Дворецкий слегка поклонился и пошел к двери; его деймон послушно затрусил следом. Из своего ненадежного укрытия Лира видела, как Магистр подошел к большому дубовому гардеробу в углу, снял с вешалки мантию и с трудом надел. Магистр был человек могучего сложения, но ему давно перевалило за семьдесят, и все движения его были медленными и скованными. Деймон Магистра имел облик ворона и, как только мантия была надета, спрыгнул с гардероба и, по обыкновению, уселся на правом плече.

Лира чувствовала, что Пантелеймон вне себя от тревоги. Сама же она ощущала приятное волнение. Гость, упомянутый Магистром, лорд Азриэл, приходился ей дядей, она им восхищалась и очень боялась его. По слухам, он имел касательство к высокой политике, секретным исследованиям, к войне в отдаленных краях и появлялся в колледже всякий раз неожиданно. Он был суров, и, если бы застиг ее здесь, не избежать было бы тяжелого наказания. Но Лиру это не смущало.

И тут она увидела такое, что забыла обо всем.

Магистр достал из кармана сложенную бумажку и положил на стол. Потом вынул из графина с золотистым вином пробку и, расправив бумажку, высыпал из нее в графин белый порошок, после чего бумажку скомкал и выбросил в огонь. Потом вытащил из кармана карандаш, размешал им вино, чтобы полностью растворился порошок, и заткнул графин.

Его деймон тихонько каркнул. Магистр что-то ответил вполголоса и, прежде чем выйти, взглядом из-под нависших бровей обвел комнату. Лира шепнула:

– Ты видел, Пан?

– Конечно, видел! Скорей уходим, пока Стюард не пришел!

Но тут в дальнем конце Зала коротко прозвенел колокольчик.

– Это Стюард! – сказала Лира. – Я думала, у нас больше времени.

Пантелеймон быстро подлетел к двери Зала и сразу вернулся.

– Стюард уже там, – сказал он. – А через другую дверь не выйдешь...

Другая дверь – куда ушел Магистр – вела в оживленный коридор между Библиотекой и Комнатой Отдыха Ученых. Сейчас там было полно людей, они надевали мантии к обеду или спешили в Общую Комнату, оставить свои бумаги и портфели перед тем, как идти в Зал. А Лира намеревалась уйти обратно через Зал, рассчитывая, что у них еще есть несколько минут до звонка.

И если бы она не увидела, как Магистр сыплет в вино порошок, то, может быть, и рискнула бы рассердить Стюарда или незаметно прошмыгнуть по людному коридору. Но она была растеряна и не знала, что делать.

Она услышала тяжелые шаги по помосту. Стюард шел сюда – убедиться, что вино и мак готовы для послеобеденного отдыха Ученых. Лира кинулась к дубовому гардеробу, залезла в него и закрыла дверь как раз в ту секунду, когда вошел Стюард. За Пантелеймона она не опасалась: стены в комнате были темные, и он всегда мог спрятаться под креслом.

Она услышала свистящее дыхание Стюарда и через щелку неплотно прикрытой дверцы увидела, как он поправляет курительные трубки и осматривает графины и бокалы. Потом он пригладил ладонями волосы на висках и что-то сказал своему деймону. Он был слугой, а деймон его – собакой. Но слуга он был высшего разряда, и собака – тоже. Деймон его имел вид рыжего сеттера. Он что-то подозревал и бегал по комнате, словно почуяв непрошеного гостя, но, к большому облегчению Лире, гардеробом не заинтересовался. Лира боялась Стюарда, который ее дважды бил.

Она услышала тихий шепот; видимо, Пантелеймон пролез к ней.

– Теперь придется сидеть здесь. Почему ты меня не слушаешься?

Она не отвечала, пока не ушел Стюард. Его обязанностью было обслуживать верхний стол; она услышала, как входят в Зал Ученые, гул голосов, шарканье ног.

– И хорошо, что не послушалась, – прошептала она в ответ. – Иначе не увидели бы, что Магистр отравил вино. Это ведь токай, про который он спрашивал Дворецкого! Они хотят убить лорда Азриэла!

– Почем ты знаешь, что это яд?

– Конечно, яд. Ты же помнишь, он велел Дворецкому уйти до того, как высыпал? Если бы не яд, он бы сделал это при Дворецком. Я знаю, тут что-то затевается – что-то политическое. Слуги об этом который день говорят. Пан, мы можем предотвратить убийство!

– В жизни не слышал такой чепухи. Как ты высидишь четыре часа в этом душном гардеробе? Дай-ка вылезу, загляну в коридор. Скажу тебе, когда там будет пусто.

Он вспорхнул с ее плеча и маленькой тенью мелькнул перед освещенной щелкой.

– Напрасно, Пан, я остаюсь, – сказала она. – Тут еще какая-то мантия. Положу ее на пол и устроюсь поудобней. Я должна увидеть, чем они занимаются.

Она осторожно поднялась с корточек и, стараясь не шуметь, пошарила вокруг. Гардероб оказался просторнее, чем она думала. Здесь висело еще несколько мантий, по большей части шелковых, некоторые – оторочены мехом.

– Интересно, это все – Магистра? – прошептала она. – Когда ему дают ученые степени в других местах, наверное, дают и красивые мантии, а он их тут держит и наряжается... Пан, ты правда думаешь, что там не яд?

– Нет, – ответил он. – Я тоже думаю, что яд. И думаю, что это не наше дело. И думаю, что из всех твоих глупостей это будет самая большая, если ты встрянешь. Нас это не касается.

– Ерунда, – сказала Лира. – Буду сидеть здесь и смотреть, как его отравляют?

– А ты не сиди здесь.

– Ты трус, Пан.

– Конечно, трус. Позволь спросить – ты что задумала? Выскочишь и выхватишь бокал из его дрожащих пальцев? Какой твой план?

– Нет у меня плана, ты прекрасно это знаешь, – тихо огрызнулась она. – Но я видела, что сделал Магистр, и теперь у меня нет выбора. Ты ведь, наверное, слышал про совесть? Могу я сидеть в Библиотеке или еще где и ковырять в носу, зная, что тут творится? Да ни за что, можешь быть уверен.

– Ты с самого начала это задумала, – сказал он, помолчав. – Хотела спрятаться тут и подсматривать. Как же я раньше не догадался?

– Ну, хотела. Все знают, что тут у них какие-то секреты. Какой-то ритуал или еще что. И я хотела узнать.

– Не наше это дело! Хотят секретничать – пусть их, а ты будь выше этого. Прячутся и шпионят только глупые дети.

– Знала, что ты так и скажешь. Хватит занудничать.

Оба замолчали. Лире было неудобно сидеть на жестком полу гардероба, а недовольный ее упрямством Пантелеймон трогал своим временным усиком одну из мантий. Противоречивые мысли теснились в голове у Лире, и больше всего на свете ей хотелось поделиться ими со своим демоном, но мешала гордость. Ничего, попробует разобраться в них без его помощи.

На первом месте была тревога, и тревожилась она не за себя. В неприятности она попадала часто и привыкла к ним. Сейчас она тревожилась за лорда Азриэла и не понимала, что все это значит. Он не часто посещал Колледж, а времена сейчас были напряженные, и вряд ли он явился только для того, чтобы поесть, выпить и покурить со старыми друзьями. Она знала, что и лорд Азриэл, и Магистр были членами Государственного Совета, особого консультативного органа при премьер-министре, так что приезд его мог быть связан с этим, – но Совет заседал во Дворце, а не в Комнате Отдыха Иордан-колледжа.

И уже не первый день слуги перешептывались вот о чем: тартары якобы вторглись в Московию и устремились на север к Санкт-Петербургу. Они получают господство над Балтийским морем и в конце концов захватят весь запад Европы. А лорд Азриэл был на далеком Севере: когда она видела его в прошлый раз, он готовил экспедицию в Лапландию...

– Пан, – прошептала она.

– Что?

– Ты думаешь, будет война?

– Нет пока. Лорд Азриэл не обедал бы здесь, если бы ее ждали на будущей неделе.

– Вот и я так подумала. Попозже?

– Тсс! Кто-то идет.

Она села прямо и заглянула в щелку. Шел Дворецкий, поправить лампу, как велел Магистр. Общая Комната и Библиотека освещались безвоздушными антарными лампами, но в Комнате Отдыха ученые предпочитали более мягкий свет старинных гарных ламп. При жизни этого Магистра их не заменят.

Дворецкий подвернул фитиль, подложил полено в камин, после чего, прислушавшись у двери в Зал, вытащил из курительного прибора горсть листьев.

Не успел он закрыть крышку, как повернулась ручка другой двери, заставив его вздрогнуть. Лира едва удержалась от смеха. Дворецкий поспешно запихнул листья в карман и повернулся к вошедшему.

– Лорд Азриэл! – сказал он, и у Леры холодок пробежал по спине. Отсюда он не был виден, и она с трудом победила искушение выглянуть.

– Добрый вечер, Рен, – сказал лорд Азриэл. Этот резкий голос всегда был приятен Лире, но и немного пугал ее. – Я опоздал к обеду. Подожду здесь.

Дворецкий чувствовал себя неловко. В Комнату Отдыха гости входили только по приглашению Магистра, и лорд Азриэл это знал. Но, заметив, что лорд Азриэл подчеркнуто смотрит на его оттопыренный карман, Дворецкий решил не возражать.

– Доложить Магистру, что вы прибыли, милорд?

– Не имею ничего против. И принесите мне кофе.

– Хорошо, милорд.

Дворецкий поклонился и торопливо вышел; его деймон послушно затрусил за ним. Дядя Леры подошел к камину, потянулся и зевнул, как лев. На нем была дорожная одежда. Страх, который ощущала Лира при каждой встрече с ним, вернулся и на этот раз. О том, чтобы улизнуть незаметно, не могло быть и речи; приходилось сидеть и ждать.

Деймон лорда Азриэла, снежный барс, стоял с ним рядом. Он тихо спросил:

– Здесь будешь показывать снимки?

– Да. Меньше будет суеты, чем в Лекционном Театре. И они захотят посмотреть образцы; сейчас пошлю за Швейцаром. Неудачное время, Стелмария.

– Тебе надо отдохнуть.

Он расположился в кресле, и Лира уже не видела его лица.

– Да, да. И переодеться. Тут, наверно, какой-нибудь древний этикет, могут оштрафовать на дюжину бутылок за то, что пришел в неподобающем виде. И поспать бы надо дня три. Все дело в том...

В дверь постучали, вошел Дворецкий с кофейником и чашкой на серебряном подносе.

– Спасибо, Рен, – сказал лорд Азриэл. – Там у вас токай на столе?

– Магистр приказал налить специально для вас, милорд, – ответил Дворецкий. – Осталось всего три дюжины бутылок девяносто восьмого года.

– Все хорошее кончается. Поставьте поднос сюда, поближе. Да, и попросите Швейцара прислать два ящика, которые я оставил при входе.

– Сюда, милорд?

– Да, сюда, пожалуйста. И мне понадобится экран и проекционный фонарь – тоже сюда и тоже сейчас.

Дворецкий чуть не раскрыл рот от удивления, но совладал с собой и воздержался от дальнейших вопросов или возражений.

– Рен, вы забываетесь, – сказал лорд Азриэл. – Не задавайте вопросов, делайте, что вам сказано.

– Хорошо, милорд, – ответил Дворецкий. – Но, если позволите, я доложу мистеру Коусону о ваших намерениях, милорд, иначе это будет для него неожиданностью. Поймите меня.

– Ладно. Доложите.

Коусоном звали Стюарда. Соперничество между ним и Дворецким началось давно и не утихало. Стюард был старше по положению, но у Дворецкого было больше возможностей расположить к себе Ученых, и ни одной из них он не упускал. Ему будет приятно показать Стюарду, что он лучше осведомлен обо всем, происходящем в Комнате Отдыха.

Он поклонился и вышел. Лира видела, как дядя налил чашку кофе и разом выпил, потом налил другую и стал отпивать медленнее. Она сторала от любопытства: ящички с образцами? Проекционный фонарь? Что это такое важное и срочное он хочет показать Ученым?

Лорд Азриэл встал и отвернулся от камина. Теперь она видела его во весь рост и удивлялась, насколько он отличается от пухлого Дворецкого, от сутулых, медлительных Ученых. Лорд Азриэл был высок и широкоплеч, глаза на суровом смуглом лице сверкали свирепым весельем. Это было лицо человека, которому можно только подчиняться или противостоять, – человека, который не потерпит ни покровительства, ни жалости. Все движения его были свободными и гармоничными, как у дикого животного, и, оказавшись в такой комнате, он напоминал дикое животное, запертое в тесной клетке.

Сейчас его лицо было задумчиво и сосредоточенно. Его деймон подошел к нему и прислонился головой к его поясу, а он, посмотрев на него невидящим взглядом, шагнул к столу. У Леры что-то оборвалось в животе: лорд Азриэл вынул пробку из графина с токаем и налил себе бокал.

– Нет! – Тихий крик вырвался у нее невольно. Лорд Азриэл услышал и обернулся.

– Кто здесь?

Лира уже не владела собой. Она выскочила из гардероба, подбежала и выхватила бокал из его руки. Вино пролилось на край стола и на ковер, бокал упал и разбился. Дядя схватил ее за руку и больно вывернул.

– Лира! Какого черта ты здесь делаешь?

– Отпустите меня, скажу!

– Я тебе руку оторву. Как ты смела сюда войти?

– Да я вам жизнь спасла!

Оба на мгновение умолкли; девочка корчилась от боли и гримасничала, чтобы не закричать во весь голос, а дядя смотрел на нее сверху, нахмурясь, как грозовая туча.

– Что ты сказала? – произнес он спокойнее.

– Вино отравлено, – выдавила она сквозь зубы. – Я видела, как Магистр насыпал в него порошок.

Он разжал руку. Лира опустилась на пол, и взволнованный Пантелеймон сел ей на плечо. Дядя смотрел на нее со сдерживаемой яростью, и она не осмелилась встретить его взгляд.

– Я просто зашла посмотреть, как выглядит комната, – сказала Лира. – Я знала, что нельзя. Хотела сразу уйти, пока никого нет, но тут услышала Магистра, и деться было некуда. Только спрятаться в гардеробе. И увидела, как он сыплет порошок в вино. Если бы я не...

В дверь постучали.

– Это Швейцар, – сказал лорд Азриэл. – Быстро в шкаф. Только шелхнись там – пожалеешь, что родилась на свет.

Она кинулась туда и едва успела закрыть за собой дверцу, как лорд Азриэл крикнул: «Войдите».

Как он и сказал, это был Швейцар.

– Да, милорд?

Старик нерешительно остановился в дверях, а позади него виднелся угол большого деревянного ящика.

– Да, Шутер, – сказал лорд Азриэл. – Заносите оба и поставьте у стола.

Лира немного успокоилась и только теперь позволила себе почувствовать боль в плече и запястье. Она могла бы и заплакать, если бы была из тех девочек, которые плачут. Но она только стиснула зубы и слегка пошевелила рукой, чтобы отпустила боль.

Раздался звон разбитого стекла и звук разлившейся жидкости.

– Черт возьми, Шутер, старый растяпа! Смотри, что ты наделал!

Лира увидела. Дядя сшиб со стола графин с токаем и сделал вид, что зацепил его Швейцар. Старик осторожно опустил ящик и стал извиняться.

– Простите, милорд... он, должно быть, оказался ближе, чем я думал...

– Уберите это безобразие. Скорее, пока не промок ковер!

Швейцар и его молодой помощник поспешно удалились. Лорд Азриэл подошел к гардеробу и вполголоса сказал:

– Раз уж ты здесь, пусть от тебя будет польза. Когда придет Магистр, внимательно следи за ним. Если заметишь что-то интересное и скажешь мне, постараюсь, чтобы твой проступок остался без последствий. Понятно?

– Да, дядя.

– Зашумишь тут – я тебе не помогу. Сама ответишь.

Он отошел и снова стал спиной к камину; тут же появился Швейцар со щеткой, совком для стекла и тазиком с тряпкой.

– Могу только повторить, милорд: я очень виноват, не знаю, как мне...

– Просто уберите это.

Как только Швейцар начал собирать тряпкой вино с ковра, постучался Дворецкий и вошел вместе со слугой лорда Азриэла, Торольдом. Они несли тяжелый ящик из полированного дерева с медными ручками, но, увидев, чем занят Швейцар, остановились как вкопанные.

– Да, это токай, – сказал лорд Азриэл. – Жалко. Принесли фонарь? Поставьте, пожалуйста, ближе к шкафу, Торольд. Я повешу экран напротив.

Лира поняла, что через шелку ей будет виден экран и все, что на нем покажут. Интересно, подумала она, специально ли для этого дядя поставил так фонарь. Под шум приготовлений – слуга разворачивал жесткое полотно и натягивал на раму – она шепнула:

– Видишь? Не зря, значит, пришли?

– Может, не зря, – сухо произнес Пантелеймон тонким мотыльковым голосом. – А может, зря.

Лорд Азриэл стоял возле камина, попивая кофе, и угрюмо наблюдал за Торольдом, который раскрыв ящик проекционного фонаря, снял крышку с объектива и проверил уровень керосина в бачке.

– Керосина достаточно, милорд, – сказал он. – Вызвать техника для демонстрации?

– Нет. Буду показывать сам. Спасибо, Торольд. Они уже пообедали, Рен?

– Кажется, заканчивают, милорд, – ответил Дворецкий. – Если я правильно понял мистера Коусона, Магистр и его гости не станут мешкать, услышав, что вы здесь. Унести поднос?

– Унесите.

– Хорошо, милорд.

Дворецкий с легким поклоном взял поднос и вышел, а за ним Торольд. Как только дверь за ними закрылась, лорд Азриэл повернулся к гардеробу, и Лира ощутила силу его взгляда, как что-то почти физическое, словно он был стрелой или копьем. Потом он отвернулся и что-то сказал своему деймону. Деймон подошел к нему и спокойно сел рядом, изящный, грозный, настороженный; он обвел взглядом комнату, а потом его зеленые глаза и черные глаза лорда одновременно обратились к двери, где шелкнула ручка. Лира двери не видела, но услышала удивленный вздох вошедшего.

– Магистр, – сказал лорд Азриэл. – Да, я вернулся. Ведите ваших гостей – я покажу вам кое-что интересное.

Глава вторая. Идея Севера

– Лорд Азриэл, – торжественно произнес Магистр и пожал ему руку. Из своего укрытия Лира следила за глазами Магистра – и действительно, он сразу бросил взгляд на стол, туда, где раньше стоял графин с вином.

– Магистр, – сказал лорд Азриэл. – Я приехал поздно, не хотел мешать вашему обеду, поэтому расположился здесь. Здравствуйте, Проректор. Рад видеть вас в добром здравии. Извините за неопрятный вид, я только что высадился. Да, Магистр, токай погиб. Боюсь, вы в нем стоите. Швейцар уронил его, но это моя вина. Здравствуйте, Капеллан. Прочел вашу последнюю статью с большим интересом...

Он отошел с Капелланом в сторону, так что теперь Лира хорошо видела лицо Магистра. Оно было невозмутимо, но демон на его плече нахохлился и беспокойно переступал с ноги на ногу. Лорд Азриэл был уже в центре всеобщего внимания, и, хотя всячески проявлял любезность по отношению к Магистру, ясно было, за кем сила.

Ученые здоровались с гостем и разбредались по комнате, кто-то садился за стол, кто-то в кресла, и вскоре комнату наполнил гул голосов. Лира видела, что они заинтригованы большим ящиком, экраном и фонарем. Она хорошо знала Ученых: Библиотекаря, Проректора, Исследователя и остальных; эти люди окружали ее всю жизнь, учили ее, наказывали, утешали, сгоняли с фруктовых деревьев в Саду, дарили ей маленькие подарки; другой семьи у нее не было. Она, наверно, и считала бы их семьей, если бы знала, что такое семья, – хотя, если бы знала, отнеслась бы так скорее к слугам Колледжа. У Ученых были дела поважнее, чем потакать прихотям диковатой девочки, попавшей сюда по случайности.

Магистр зажег спиртовку под маленькой серебряной жаровней и растопил в ней масло, после чего срезал пяток маковых коробочек и высыпал туда мак. После Трапезы всегда подавали мак: он прояснял ум, оживлял речь и способствовал содержательной беседе. По традиции его готовил сам Магистр.

В комнате стоял гомон, шипело разогретое масло, и, пользуясь этим, Лира стала устраиваться поудобнее. Она осторожно сняла с вешалки длинную меховую мантию и разложила на полу гардероба.

– Надо было взять колючую, – прошептал Пантелеймон. – А то на мягкой уснешь.

– Усну – тогда ты меня разбудишь.

Она села и прислушалась к разговору. Ужасно скучному, кстати: все про политику, притом лондонскую политику, хоть бы что интересное про тартар. Приятные запахи табака и поджаренного мака проникали в гардероб, и Лира то и дело начинала клевать носом. Наконец кто-то постучал по столу. Голоса смолкли, и заговорил Магистр.

– Джентльмены, от лица всех присутствующих я приветствую лорда Азриэла. Визиты его к нам редки, но всякий его визит – событие, и, насколько я понимаю, сегодня он намерен рассказать нам что-то чрезвычайно интересное. Как нам всем известно, в международных делах сейчас очень большая напряженность; завтра утром лорда Азриэла ожидают в Уайтхолле, и поезд с разведенными парами уже ждет его, чтобы отвезти в Лондон, как только закончится наше собрание. Поэтому распорядимся временем разумно. Когда он закончит доклад, полагаю, будут вопросы. Пусть они будут краткими и по существу. Лорд Азриэл, вы готовы начать?

– Благодарю вас, Магистр, – сказал лорд Азриэл. – Для начала я хочу показать вам несколько новых слайдов. Проректор, думаю, вам лучше всего будет видно отсюда. Может быть, вам, Магистр, удобнее будет занять кресло у гардероба?

Старик Проректор был почти слеп, и лорд Азриэл всего лишь проявил вежливость, предложив ему место поближе к экрану. Это означало, что Магистру придется сесть рядом с Библиотекарем, в каком-нибудь метре от убежища Лиры. И она услышала, как он проворчал, усаживаясь в кресло:

– Дьявол! Он знал о вине, не сомневаюсь.

Библиотекарь ответил вполголоса:

– Он будет просить фондов. Если потребует голосования...

– Мы должны возражать, употребив все наше красноречие.

Послышалось шипение – это лорд Азриэл подкачал проекционный фонарь. Лира слегка передвинулась, чтобы увидеть экран, на котором уже появился белый круг света. Лорд Азриэл сказал:

– Нельзя ли повернуть лампу?

Кто-то из Ученых поднялся с места, и в комнате потемнело.

Лорд Азриэл начал:

– Некоторые из вас, вероятно, знают, что двенадцать месяцев назад я отправился на Север с дипломатической миссией к Королю Лапландии. По крайней мере, таков был повод для поездки. На самом деле цель моя находилась севернее, уже во льдах, – я намеревался выяснить, что случилось с экспедицией Груммана. В одном из последних донесений Груммана Германской Академии говорилось о некоем природном явлении, наблюдающемся только на Крайнем Севере. Я намерен был исследовать его и одновременно выяснить все, что можно, о Груммане. Но первый снимок, который вы увидите, не связан прямо ни с тем ни с другим!

Он вставил слайд в рамку и опустил в фонарь. На экране появилась круглая фотограмма, в резких контрастах черного и белого. Снимок был сделан при полной луне: на среднем плане черная хижина среди снегов, с толстым слоем снега на крыше. Рядом – целый строй философских приборов, похожих на те, что Лира видела в Антарном Парке по дороге в Ярнтон: покрытые толстым инеем антенны, провода, фаянсовые изоляторы поблескивали при лунном свете. На переднем плане стоял, приветственно подняв руку, человек в меховой одежде с капюшоном, почти скрывавшим лицо. Сбоку от него – фигура поменьше. И все это залито мертвенным светом луны.

– Эта фотограмма сделана на стандартной эмульсии с нитратом серебра, – сказал лорд Азриэл. – А теперь посмотрите другую, снятую с той же точки всего через минуту, но на новой, специально изготовленной эмульсии.

Он выдвинул первый слайд и вставил другой. Этот был гораздо темнее, словно отфильтровали лунный свет. Горизонт по-прежнему был виден – и темные очертания хижины под снежной шапкой, но все приборы скрывала темнота. А человек полностью изменился: его окутывал яркий свет, и из поднятой руки бил фонтан светящихся частиц.

– Этот свет, – сказал Капеллан, – он идет сверху или снизу?

– Он идет сверху, – ответил лорд Азриэл, – но это не свет. Это Пыль.

Слово было произнесено так, что Лире оно представилось написанным с большой буквы, как будто это не простая пыль. И реакция Ученых подкрепила это впечатление: послышалось несколько удивленных «ах», и все разом умолкли.

– Но как...

– Разве...

– Не может...

– Джентльмены! – раздался голос Капеллана. – Позвольте лорду Азриэлу объяснить.

– Это Пыль, – повторил лорд Азриэл. – На пластинке она запечатлелась как свет, потому что частицы Пыли воздействуют на эту эмульсию так же, как фотоны на серебряную эмульсию. Отчасти для того мы и отправились на Север, чтобы ее проверить. Как видите, фигура человека хорошо различима. А теперь присмотритесь к тому, что слева от него.

Он указал на неясную фигуру поменьше.

– Я думал, это – деймон человека, – сказал Исследователь.

– Нет. В это время деймон обвивал его шею, имея вид змеи. А смутная фигура рядом – ребенок.

– Поврежденный ребенок?.. – произнес кто-то и, судя по тому, как осекся, сам понял, что этого не надо было произносить.

Наступила мертвая тишина. Потом лорд Азриэл спокойно сказал:

– Ребенок не поврежденный. И это, учитывая природу Пыли, самое интересное, не так ли?

Несколько секунд все молчали. Затем послышался голос Капеллана.

– А, – выдохнул он, как истомленный жаждой человек, который залпом осушил стакан воды и, поставив его, переводит дыхание. – А потоки Пыли...

– Идут с неба и окутывают его как бы светом. Вы сможете ознакомиться с этим снимком подробнее: я оставлю его здесь. Я показал его вам лишь для того, чтобы продемонстрировать возможности новой эмульсии. А сейчас покажу вам другую картинку.

Он сменил слайд. Этот снимок тоже был сделан ночью, но уже без лунного света. На переднем плане смутно вырисовывались на фоне низкого горизонта несколько палаток, а рядом грома деревянных ящиков и сани. Но самым интересным здесь было небо. Струи и полотнища света перекрывали его, словно занавеси, подвешенные на невидимых крюках на высоте в сотни километров и раздуваемые каким-то немислимым ветром.

– Что это? – спросил Проректор.

– Аврора Бореалис.

– Отличная фотограмма, – заметил Пальмеровский Профессор. – Одна из лучших на моей памяти.

– Извините мое невежество, – послышался дрожащий голос старика Регента, – но если я и знал когда-нибудь, что такое Аврора, то забыл. Не то ли, что называется Северным Сиянием?

– Да. У этого много названий. Это потоки заряженных солнечных частиц исключительной плотности и силы, сами по себе невидимые, но вызывающие свечение, когда они взаимодействуют с атмосферой. Если бы было время, мне бы окрасили снимок, чтобы вы могли увидеть цвета: бледно-зеленые и розовые по большей части, с малиновым отливом по нижней кромке этого светящегося занавеса. Снимок сделан на обычной эмульсии. Теперь посмотрите на снимок, сделанный на специальной эмульсии.

Он вынул слайд. Лира услышала тихий голос Магистра:

– Если он потребует голосования, мы можем сослаться на статью о пребывании. Из последних пятидесяти двух недель он отсутствовал в Колледже тридцать.

– Он уже привлек на свою сторону Капеллана, – вполголоса отозвался Библиотекарь.

Лорд Азриэл вставил в рамку фонаря новый слайд. На нем был тот же ландшафт. Но, как и в предыдущем случае, многие детали, видимые при обычном свете, здесь выглядели гораздо тусклее – в том числе светящаяся завеса в небе.

Но посреди Авроры, высоко над сумрачной равниной, Лира различила что-то плотное. Она припала к щелке, чтобы разглядеть получше, и увидела, что Ученые тоже вытянули шеи. Когда она присмотрелась к картине, ее охватило изумление. В небе обозначился силуэт города: в воздухе висели башни, купола, стены... дома и улицы. Она чуть не вскрикнула от удивления.

Кассингтоновский Ученый сказал:

– Это похоже на город.

– Совершенно верно, – сказал лорд Азриэл.

– Город иного мира, надо полагать? – презрительно осведомился Декан.

Лорд Азриэл оставил его слова без внимания.

Среди Ученых пробежал шумок – словно всю жизнь они писали трактаты о существовании единорогов, которых никогда не видели, а тут им привели живой, только что пойманный экземпляр.

– Теория Барнарда – Стокса? – сказал Пальмеровский Профессор.

– Это я и хочу выяснить, – ответил лорд Азриэл.

Он стоял сбоку от экрана. Лира видела, как его темные глаза перебегают по лицам Ученых, а рядом с ним светились зеленым глаза его деймона. Вся почтенная аудитория подалась вперед, вглядываясь в снимок Авроры, только Магистр и Библиотекарь сидели, откинувшись в креслах и почти соприкасаясь головами.

Первым заговорил Капеллан:

– Лорд Азриэл, вы сказали, что хотели выяснить судьбу экспедиции Груммана. Доктор Грумман тоже изучал это явление?

– Полагаю, да, и полагаю, что он успел многое узнать. Но не сможет рассказать нам об этом, потому что он погиб.

– Не может быть! – вырвалось у Капеллана.

– Боюсь, что так, и у меня есть доказательство.

Снова по Комнате Отдыха пронесся взволнованный шумок; по указанию лорда Азриэла двое или трое Ученых помоложе вынесли вперед деревянный ящик. Лорд Азриэл вынул

последний слайд, но фонаря не погасил и, наклонившись в круге резкого света, стал вскрывать ящик. Магистр поднялся, чтобы видеть его, и загородил от Леры происходящее. Дядя сказал:

– Если помните, экспедиция Груммана пропала восемнадцать месяцев назад. Германская Академия отправила его на Север к магнитному полюсу, с тем чтобы он провел там астрономические наблюдения. В ходе экспедиции он наблюдал это любопытное явление, которое мы сейчас видели. Затем он исчез. Предполагалось, что произошел несчастный случай и тело его все месяцы лежало в расселине. На самом деле несчастного случая не было.

– Что у вас там? – спросил Декан. – Это вакуумный контейнер?

Лорд Азриэл не торопился с ответом. Лира услышала щелчки металлических зажимов и шипение воздуха, ворвавшегося в сосуд; потом все стихло. Но тишина длилась недолго. Через несколько секунд Лира услышала смущенный гомон, потом крики ужаса, негодующие и испуганные голоса.

– Но что...

– ...нечеловеческая...

– ...это было...

– ...что с ней сделали?

Все перекрыл голос Магистра:

– Лорд Азриэл, объясните же, что это у вас?

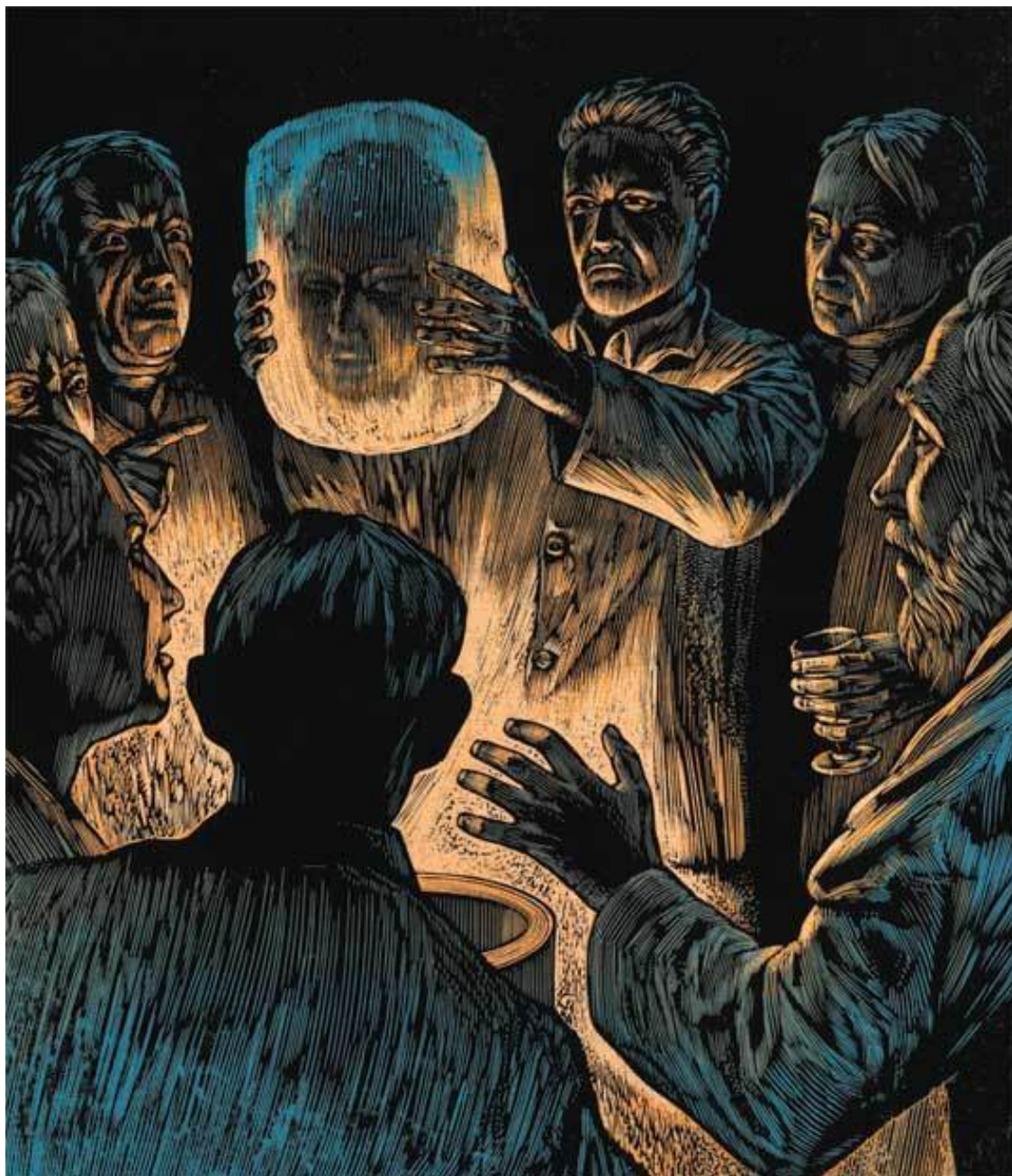
– Это голова Станислауса Груммана, – объявил лорд Азриэл.

Среди общего гомона Лира расслышала спотыкающиеся шаги человека, бросившегося к двери, и его горестное бормотание. Но ей ничего не было видно.

– Я нашел его тело, сохранившееся во льду близ Свальбарда. Голову так обработали убийцы. Но обратите внимание на характер скальпирования. Думаю, он вам знаком, Проректор.

Голос старика был тверд:

– Я видел, как это делают тартары. Такой метод распространен среди аборигенов Сибири и Тунгуски. Оттуда он распространился на земли скрелингов, но, насколько я понимаю, в Новой Дании он запрещен. Можно мне разглядеть поближе, лорд Азриэл?

После короткого молчания он снова заговорил:

– Зрение у меня неважное, а лед грязен, но кажется мне, на макушке отверстие. Верно?

– Да.

– Трепанация?

– Вот именно.

Снова взволнованный гомон. Магистр отодвинулся, и Лире стал виден ящик. В луче проекционного фонаря старик Проректор держал перед своими глазами тяжелый ледяной куб, и Лира разглядела предмет внутри: окровавленный кусок, в котором трудно было узнать человеческую голову. Пантелеймон порхал вокруг, его отчаяние передавалось Лире.

– Тихо, – шепнула она. – Слушай.

– Доктор Грумман когда-то был Ученым нашего Колледжа, – с жаром сказал Декан.

– Попасть в руки тартар...

– Но на дальнем Севере?

– Вероятно, они проникли дальше, чем мы полагали!

– Я не ослышался – вы сказали, что нашли его близ Свальбарда? – сказал Декан.

– Совершенно верно.

– Надо ли понимать так, что тут не обошлось без панцербьёрнов?

Для Лиры слово было неизвестное, но Ученые его явно знали.

– Невозможно, – возразил Кассингтоновский Ученый. – Такого за ними не водится.

– Значит, вы не знаете Йофура Ракнисона, – сказал Пальмеровский Профессор, несколько раз участвовавший в арктических экспедициях. – Меня нисколько не удивит, если он перенял у тартар обычай скальпировать людей.

Ли́ра перевела взгляд на дядю, который наблюдал за учеными с насмешливым блеском в глазах и не вмешивался.

– Кто такой Йофур Ракнисон? – послышался чей-то голос.

– Король Свальбарда, – ответил Пальмеровский Профессор. – Да, он панцербьёрн. Узурпатор в некотором роде; хитростью пробрался на трон, насколько я знаю; но личность сильная и отнюдь не дурак, несмотря на все свои нелепые выходки. Построил дворец из привозного мрамора... основал, как он считает, университет...

– Для кого? Для медведей? – спросил кто-то, и все засмеялись.

А Пальмеровский Профессор продолжал:

– И уверяю вас, Йофур Ракнисон способен поступить так с Грумманом. В то же время, если найти к нему подход, он может вести себя по-другому.

– И вы знаете, как найти, да, Трелони? – насмешливо осведомился Декан.

– Да, знаю. Известно вам, чего он хочет больше всего на свете? Даже больше, чем почетной степени? Он хочет деймона! Придумайте, как дать ему деймона, и он все для вас сделает. Ученые от души рассмеялись.

Ли́ра слушала с недоумением: в словах Пальмеровского Профессора не было никакого смысла. Кроме того, ей хотелось поскорее услышать о скальпировании, о Северном Сиянии и об этой таинственной Пыли. Но, к ее разочарованию, лорд Азриэл кончил показывать свои образцы и снимки, и вскоре ученая беседа перешла в препирательства: давать ему или нет деньги на новую экспедицию. Сыпались доводы за и против, и у Лиры стали слипаться глаза. В конце концов она уснула, и Пантелеймон свернулся вокруг ее шеи – спать он предпочитал в виде горноста.

* * *

Кто-то потряс ее за плечо, и она, вздрогнув, проснулась.

– Тихо, – сказал дядя. Дверь гардероба была открыта, и он присел над ней – темная фигура на фоне освещенной комнаты. – Все разошлись, но кое-кто из слуг еще поблизости. Иди к себе в спальню и, смотри, никому об этом ни слова.

– Они согласились дать вам деньги? – сонно спросила она.

– Да.

– Что такое Пыль? – спросила она, с трудом вставая после сна в неудобной позе.

– Тебя это не касается.

– Касается, – сказала она. – Раз вы велели мне следить из гардероба, значит, должны сказать, для чего я следила. А голову можно посмотреть?

Белый мех на Пантелеймоне встал дыбом, защекотал ей шею. Лорд Азриэл усмехнулся.

– Не будь противной девчонкой, – сказал он и начал упаковывать свои слайды и образцы. – Ты наблюдала за Магистром?

– Да, и первым делом он стал искать глазами вино.

– Хорошо. На этот раз мы его обезвредили. А теперь ступай спать.

- А вы куда?
- Опять на Север. Я уезжаю через десять минут.
- А мне можно с вами?

Он прервал сборы и посмотрел на нее, словно в первый раз. Крупные зеленые глаза его деймона тоже уставились на Лиру, и под их пристальными взглядами она покраснела, но ответила им сердитым взглядом.

– Твое место здесь, – наконец сказал дядя.

– Но почему? Почему мое место здесь? Почему мне нельзя поехать на Север с вами? Я хочу увидеть Северное Сияние, и медведей, и айсберги, и остальное. Я хочу узнать про Пыль. И про город в воздухе. Это иной мир?

– Ты не поедешь. Выбрось это из головы, слишком опасное теперь время. Делай, что тебе сказано, ложись спать, и, если будешь хорошей девочкой, я привезу тебе бивень моржа с эскимосской резьбой. Довольно спорить, или я рассержусь.

Его деймон откликнулся басовитым свирепым рыком, и Лире представилось, как его зубы сомкнутся у нее на горле.

Нахмурясь и поджав губы, она смотрела на дядю. А он откачивал воздух из вакуумного контейнера и как будто уже забыл о ней. Щурясь и по-прежнему не разжимая губ, она вышла вместе со своим деймоном и отправилась спать.

* * *

Магистр и Библиотекарь были старые друзья и союзники и, когда случались затруднения, наливали себе по бокалу крепкого брантвейна и утешали друг друга. Теперь, проводив лорда Азриэла, они удалились в дом Магистра и там, в кабинете с задернутыми шторами, подбросив дров в камин, стали обсуждать произошедшее. Их деймоны заняли привычные места – на плече и на колене.

– Вы думаете, он как-то узнал о вине? – спросил Библиотекарь.

– Конечно, узнал. Не представляю как, но он знал и нарочно опрокинул графин. Конечно, знал.

– Простите меня, Магистр, но у меня камень с души свалился. Мне с самого начала не по душе был этот план...

– Отравления?

– Да. Убийства.

– Не вам одному, Чарльз. Вопрос стоял так: что хуже – такого рода действия с нашей стороны или последствия бездействия. Что ж, вмешалось Провидение, и этого не произошло. Жалею только, что обременил вашу совесть, поделившись своим планом.

– Нет, нет, – возразил Библиотекарь. – Но мне хотелось бы знать подробности.

Магистр помолчал.

– Да, наверное, надо было рассказать вам. Алетиометр предупреждает об ужасных последствиях в случае, если лорд Азриэл продолжит свои исследования. Помимо прочего, в это будет втянута и девочка, а я хочу оберегать ее, пока возможно.

– Предприятие лорда Азриэла имеет какое-то отношение к этому новому Дисциплинарному Суду Консистории? Или как его там, – к Жертвенному Совету?

– Лорд Азриэл? Нет, нет. Напротив. Да и Жертвенный Совет не вполне подготовлен Суду Консистории. Это скорее частная организация, а руководит ею лицо, не питающее любви к лорду Азриэлу. И оба органа, Чарльз, внушают мне страх.

Библиотекарь молчал. С тех пор как папа Иоанн Кальвин перенес свой престол в Женеву и учредил Дисциплинарный Суд Консистории, власть церкви над всеми областями жизни стала безраздельной. После смерти Иоанна Кальвина само папство было отменено, но на его месте

выросла целая сеть судов, коллегий и советов, в совокупности называемая Магистериумом. Органы эти действовали не всегда согласно, порою вспыхивало между ними острое соперничество. Большую часть прошлого века самым могущественным органом церкви была Коллегия Епископов, но в последнее время ее место занял деятельный и грозный Дисциплинарный Суд.

Но под сенью других частей Магистериума, случалось, выросли независимые организации – одной из них и был Жертвенный Совет, о котором вспомнил Библиотекарь. Слышал он о Совете мало, но то, что слышал, ему не нравилось, пугало его, и он отлично понимал беспокойство Магистра.

– Профессор естественной религии упомянул какое-то имя, – помолчав минуту, сказал Библиотекарь. – Барнард – Стокс? Что за история с Барнардом – Стоксом?

– Это не наша область, Чарльз. Насколько я понимаю, Святая церковь учит, что есть два мира: тот, который мы видим, слышим и осязаем, и другой, неземной – мир рая и ада. Барнард и Стокс были... как бы это выразиться... теологи-отступники, утверждавшие, что существует множество других миров, подобных нашему, – не ад и не рай, а материальные и грешные миры. Они рядом, но невидимы и недоступны. Святая церковь, естественно, осудила эту мерзкую ересь. Барнарда и Стокса заставили замолчать.

Но, к сожалению для Магистериума, есть, по-видимому, серьезные математические доводы в пользу теории иных миров. Сам я с ними не знакомился. Но Кассингтоновский Ученый говорил мне, что доводы вполне убедительны.

– И теперь лорд Азриэл сфотографировал один из этих миров, – сказал Библиотекарь. – А мы финансировали его экспедицию. Понятно.

– Да. Жертвенный Совет и его могущественные покровители сочтут, что Иордан-колледж – рассадник ереси. Я должен как-то балансировать между Советом и Судом Консistorии, Чарльз, а девочка тем временем подрастает. Они не забудут о ней. Рано или поздно она все равно была бы вовлечена, но теперь это неизбежно, как бы я ее ни оберегал.

– Но скажите, ради бога, откуда это вам известно – опять алетиметр?

– Да. Лире предстоит сыграть свою роль – и очень важную. Как ни странно, она даже не будет знать об этом. Но ей можно помочь, и, если бы мой план с токаем удался, еще какое-то время она была бы в безопасности. Я хотел бы уберечь ее от экспедиции на Север. И больше всего хотел бы ей это объяснить.

– Она не станет слушать, – сказал Библиотекарь. – Я достаточно ее изучил. Заговоришь с ней о чем-то серьезном – минут пять послушает вполуха и начинает ерзать. А после спросишь ее – совершенно все забыла.

– И если я заговорю с ней о Пыли? Вы думаете, не станет слушать?

Библиотекарь утвердительно хмыкнул.

– С какой стати ей слушать? – сказал он. – Из-за чего здоровому легкомысленному ребенку интересоваться глубоко теологической загадкой?

– Из-за того, что ее ожидает. Среди прочего – великое предательство.

– Кто же ее предаст?

– Нет, нет, в том-то и самое горькое: предаст она, и это будет ужасным ударом. Она, конечно, не должна об этом знать, но не вижу причин, почему ей не знать о Пыли. И возможно, вы ошибаетесь, Чарльз: она может заинтересоваться Пылью, если ей доходчиво объяснить. И это может ей помочь в дальнейшем. И наверное, мне будет не так тревожно за нее.

– Такова уж стариковская доля, – сказал Библиотекарь, – тревожиться за молодых. А удел молодых – презирать стариковские тревоги.

Они посидели еще немного и распрощались; час был поздний, и оба были стары и встревожены.

Глава третья. Лира в Иордане

Среди всех колледжей Оксфорда Иордан-колледж был самым величественным и богатым. Возможно, и самым большим, но в точности этого никто не знал. Здания, сгруппированные в три неправильных четырехугольника, относились к самым разным эпохам, от раннего Средневековья до середины восемнадцатого века. Строился он не по плану, прирастал постепенно, прошлое повсюду переплеталось с настоящим, и в целом Колледж производил впечатление неряшливого великолепия. Что-то где-то постоянно приходило в ветхость, и вот уже пять поколений семейства Парслоу, каменщики и кровельщики, круглый год занимались ремонтом Колледжа. Нынешний мистер Парслоу обучал своему ремеслу сына. С тремя подмастерьями, как трудолюбивые термиты, они сновали по лесам, возведенным возле угла Библиотеки, или по крыше Церкви, втаскивали наверх свежие каменные блоки, рулоны блестящего листового свинца или деревянные балки.

Колледж владел фермами и поместьями по всей Британии. Говорили, что можно пройти от Оксфорда до Бристолья в одну сторону или до Лондона в другую, ни разу не покинув земли Иордан-колледжа. Во всех уголках королевства были красильни, кирпичные фабрики, лесные участки и заводы атомных машин, платившие аренду Иордан-колледжу, и каждый квартал Казначей со своими конторщиками подводил счета, представлял итог Совету и заказывал пару лебедей для праздничной Трапезы. Часть денег откладывали для новых капиталовложений – Совет недавно одобрил покупку конторского здания в Манчестере, – а из остальных выплачивали скромные стипендии Ученым, жалованье слугам (а также Парслоу и еще десятку семей ремесленников и мастеровых, обслуживавших Колледж), закупили вино для богатых винных погребов, книги и антарограммы для громадной Библиотеки, занимавшей целую сторону Мелрозовского Квадрата и на несколько этажей уходившей в землю наподобие кротовой норы; и, наконец, закупили новейшую философскую аппаратуру для Церкви.

Держать Церковь на уровне новейших достижений было очень важно: как центр экспериментальной теологии Иордан-колледж не имел равных ни в Европе, ни в Новой Франции. Это, по крайней мере, Лира знала. Она гордилась славой Колледжа и любила похвастаться им перед уличными мальчишками и оборванцами, с которыми играла возле Канала и на Глинах. А на приезжих ученых и выдающихся профессоров из других мест взирала с презрительной

жалостью, потому что они были не из Иордана и знали, наверное, гораздо меньше, бедняги, чем самый скромный Младший Ученый здесь.

А что до экспериментальной теологии, Лире было известно о ней не больше, чем уличным ребятам. Ей представлялось, что она как-то связана с магией, с движениями звезд и планет, с крохотными частицами вещества, но все это были, конечно, догадки. Возможно, у звезд были демоны, как у людей, и экспериментальная теология занималась общением с ними. Лира воображала, что Капеллан ведет возвышенные беседы со звездными демонами, выслушивает их, одобрительно кивая или, наоборот, с сожалением качая головой. Но что они обсуждают, Лира вообразить не могла.

Да и не очень этим интересовалась. Во многих отношениях Лира была варваром. Больше всего ей нравилось карабкаться по крышам Колледжа со своим лучшим другом Роджером, кухонным мальчиком, плевать сливовыми косточками на головы проходящих Ученых, или ухачь по-совиному под окном, где шли занятия, или носиться по узким улочкам, красть яблоки на рынке. И воевать. Как ей были неведомы подспудные политические баталии, кипевшие в Колледже, так и Ученые не подозревали о соглашениях и разрывах, союзах и распрях, наполнявших жаром жизнь ребенка в Оксфорде. Дети играют – как приятно это видеть! Сколько в этом невинности и очарования!

А на самом деле, конечно, Лира и ее сверстники вели жестокие войны. Во-первых, дети одного колледжа (малолетние слуги, дети слуг и Лира) воевали с детьми другого. Но если на одного из них нападали городские, эта вражда забывалась: тогда все колледжи объединялись и вступали в битву с городскими. Распря эта была давней, тянулась уже сотни лет и приносила большое удовлетворение.

Но даже она прекращалась, когда приходила угроза со стороны. Один враг был вечный и постоянный: дети кирпичников, которые жили на Глинах и были одинаково презираемы и колледжскими, и городскими. В прошлом году Лира заключила временное перемирие кое с кем из городских и совершила набег на кирпичников: они забросали тамошних тяжелыми кусками глины, развалили их мокрый замок, а самих их валяли в липкой грязи, которая доставляла им пропитание, покуда и побежденные, и сами победители не превратились в стаю вопящих големов.

Другой враг был сезонным. Цыганские семьи, которые жили в каялах – длинных лодках – на канале и появлялись во время весенних и осенних ярмарок, – они всегда были подходящим противником. В особенности одна семья, регулярно возвращавшаяся к своему причалу в той части города, что звалась Иерихоном, – с ней Лира враждовала с тех пор, как научилась бросать камни. Когда они последний раз были в Оксфорде, она с Роджером и другие кухонные мальчики из Иордана и Колледжа святого Михаила устроили им засаду: бросали грязью в их ярко раскрашенный каял, пока вся семья не погналась за ними, – тут засадный отряд во главе с Лирой налетел на лодку и столкнул ее в воду, где она встала на пути у проходящих судов. Лира со своей шайкой общарила каял с носа до кормы в поисках затычки. Лира была убеждена в существовании такой затычки. Если ее вытащить, уверяла она товарищей, каял сразу утонет; но затычки они не нашли, и когда цыгане догнали их, вынуждены были покинуть лодку и мокрые, с радостным гиканьем бросились наутек по узким улочками Иерихона.

Таков был мир Лире и таковы ее радости. Она была грубой и жадной дикаркой – по большей части. Но всегда смутно ощущала, что это не весь ее мир, что какая-то ее часть принадлежит великолепию и ритуалу Иордан-колледжа и где-то в ее жизни есть связь с миром высокой политики, олицетворяемой лордом Азриэлом. Хватало ей этого знания только на то, чтобы напускать на себя важность да командовать другими ребятами. Дальше ее интересы не шли.

Так и прожила она детство – словно полудикая кошка. Разнообразие в ее дни вносили только редкие наезды в Колледж лорда Азриэла. Хвастаться богатым и могущественным дядей было приятно, но за хвастовство приходилось платить: ее отлавливал самый проворный Уче-

ный, доставлял к Экономке, где ее мыли и одевали в чистое платье, после чего вели (с многочисленными угрозами) в Общую Комнату Старших пить чай с лордом Азриэлом. Приглашалось обычно и несколько Старших Ученых. Возмущенная Лира сидела, развалившись в кресле, пока Магистр не приказывал ей сесть как подобает, и тогда она обводила их всех сердитым взглядом, так что даже Капеллан начинал смеяться.

Эти тягостные официальные визиты всегда проходили одинаково. После чая Магистр и Ученые оставляли Лиру с дядей вдвоем, а дядя велел ей подойти и рассказать, что она выучила со времени его последнего приезда. Она бормотала, припоминая какие-то обрывки из геометрии, арабского языка, истории или антарологии, а он сидел, закинув ногу на ногу, и смотрел на нее непроницаемым взглядом, пока не исчерпывался ее запас.

В прошлом году, перед экспедицией на Север, он спросил ее:
– А как ты проводишь время, свободное от усердной учебы?

Она пролепетала:

– Так, играю. Ну, около колледжа. Ну... играю, в общем.

Он сказал:

– Покажи мне руки.

Она протянула ему ладони, он взял их и повернул, чтобы посмотреть на ногти. Его демон лежал рядом на ковре, как сфинкс; он изредка взмахивал хвостом и не мигая глядел на Лиру.

– Грязные, – сказал лорд Азриэл, оттолкнув ее руки. – Тебя что тут, не заставляют мыться?

– Моюсь. Но у Капеллана тоже грязные ногти. Еще грязней, чем у меня.

– Он ученый человек. А у тебя какое оправдание?

– Наверно, запачкались после того, как помылась.

– Где ты играешь, чтобы так пачкаться?

Лира посмотрела на него подозрительно. Она чувствовала, что на крыше играть нельзя, хотя ей ни разу этого не сказали.

– В разных старых комнатах, – сказала она наконец.

– А где еще?

– На Глинах иногда.

– И?

– В Иерихоне или в Порт-Медоу.

– Больше нигде?

– Нет.

– Неправда. Только вчера видел тебя на крыше.

Она прикусила губу и ничего не ответила. Дядя смотрел на нее с насмешкой.

– Так значит, ты и на крыше играешь. А в Библиотеку когда-нибудь заходишь?

– Нет. А на крыше Библиотеки нашла грача.

– Нашла? Поймала его?

– Он был с больной ногой. Я хотела убить его и поджарить, а Роджер сказал, что надо вылечить. Мы давали ему всякие объедки и вино, а потом он выздоровел и улетел.

– Лира, кто такой Роджер?

– Мой друг. Мальчик с Кухни.

– Понятно. Значит, ты облазила все крыши...

– Не все. На крышу Здания Шелдон нельзя попасть, потому что туда надо прыгнуть с Башни Пилигрима. Там на крыше есть люк, но я до него не достаю.

– Итак, ты побывала на всех крышах, кроме Здания Шелдон. А в подземелье?

– В подземелье?

– У Колледжа под землей столько же помещений, сколько сверху. Удивляюсь, что ты до них не добралась. Ну, мне уже пора. Вид у тебя здоровый. На.

Он достал из кармана горсть монет и протянул ей пять золотых долларов.

– Тебя не учили говорить «спасибо»?

– Спасибо, – тихо сказала она.

– Ты слушаешься Магистра?

– Конечно.

– И с Учеными вежлива?

– Да.

Деймон лорда Азриэла тихонько засмеялся. Он впервые подал голос, и Лира покраснела.

– Ну, иди играй, – сказал лорд Азриэл.

Лира повернулась и с облегчением устремилась к двери, но в последнюю секунду спохватилась и выпалила:

– До свидания.

* * *

Так проходила жизнь Лир до того дня, когда она надумала спрятаться в Комнате Отдыха и впервые услышала о Пыли.

И конечно, Библиотекарь был не прав, когда сказал Магистру, что ей это не интересно. Теперь она жадно слушала бы любого, кто захотел бы рассказать ей о Пыли. В последующие месяцы Лире предстояло услышать о ней очень много, и в конце концов она узнала о Пыли больше всех на свете; но пока что богатая жизнь Колледжа давала достаточно пищи ее любопытству.

Во всяком случае, ей было о чем подумать. Вот уже несколько недель по улицам полз слушок; у кого-то он вызывал смех, а кого-то приводил в задумчивость – так же, как одних людей смешат разговоры о призраках, а других пугают. По совершенно непонятной причине стали исчезать дети.

* * *

Происходило это так.

Если плыть на восток по великой водной магистрали – реке Айсис, забитой медлительными баржами с кирпичом, судами с асфальтом, мимо Хенли, Мейденхеда и Теддингтона, где уже дают себя знать приливы Германского океана, и дальше – мимо Мортлейка и дома великого мага доктора Ди, мимо Фоксхолла, где раскинулись сады отдыха, днем пестреющие флагами и радугами фонтанов, а вечером озаряемые фейерверками и гирляндами ламп на деревьях, мимо дворца Уайтхолл, где король еженедельно собирает Государственный Совет, мимо Дроболитейной Башни, без конца сеющей свинцовый дождь в чаны с мутной водой, – еще чуть дальше, и река плавной дугой повернет на юг.

Это Лаймхаус, и здесь ребенок, который исчезнет.

Его зовут Тони Макариос. Мать думает, что ему девять лет, но память у нее ослабела от пьянства; ему может быть и восемь, и десять. Фамилия у него греческая, но, как и возраст, это только материнская догадка, потому что он больше похож на китайца, чем на грека, а с материнской стороны в роду у него были ирландцы, скрелинги и ласкары. Тони не очень умный, но есть в нем какая-то неуклюжая нежность – случается, он грубо обнимет мать или вlepит ей липкий поцелуй в щеку. Бедная женщина обычно слишком пьяна, чтобы нежничать, но если поймет, что происходит, то на ласку его откликается с благодарностью.

Сейчас Тони слоняется по рынку на Пирожной улице. Он проголодался. Ранний вечер, и дома его не накормят. В кармане у Тони шиллинг – солдат ему дал за то, что он отнес записку его возлюбленной, – но зачем тратить деньги на еду, если можно добыть ее даром?

И вот он бродит по рынку, между киосками со старой одеждой и киосками гадалок, среди торговцев овощами и жареной рыбой, а на плече у него маленький деймон, воробей, – крутит

головкой туда и сюда и, увидев, что хозяйка киоска и ее деймон, кошка, отвернулись, коротко чирикает. Рука Тони цапает яблоко, или два-три ореха, или даже горячий пирожок и мгновенно прячет под свободную рубашку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.